

Волшебное кольцо. Русские сказки. Пересказал А. Платонов. Под общей редакцией Мих. Шолохова. Государственное издательство детской литературы, 1950, стр. 126.

Необходимость издания пересказов русских народных сказок для детей не подлежит сомнению. Дословные записи народных сказок трудны для детского восприятия из-за присутствия в них областных слов и речений, сложности синтаксиса и не всегда выдержанного сюжета. Русская классическая и советская педагогика всегда подчеркивала значение для воспитания ребенка правильно подобранных сказок. Русские классические и советские писатели часто обращались к русским народным сказкам, перерабатывали и литературно их обрабатывали применительно к детскому возрасту.

Советские дети нуждаются в полноценных с идейной и художественной стороны сборниках русских сказок. Пример со сказками А. Толстого наглядно показывает, какими должны быть пересказы для детей русских сказок. Но сборник А. Толстого посвящен в основном сказке о животных; сказка бытовая и волшебная еще ждут советских писателей.

Рецензируемый сборник предназначен хотя бы частично восполнить существующий в детской литературе пробел. Он дает в пересказе яркие и интересные сюжеты русских волшебных сказок, таких, как «Умная внучка» («Девка-семилетка»), «Финист — ясный сокол», «Иван Бесталаный и Елена Премудрая» («Волшебное зеркало»), «Безручка», «Морока», «Солдат и царица», «Волшебное кольцо». Выбор сюжетов для пересказа следует признать верным. Сюжеты всех этих сказок, увлекательные и интересные, дают возможность раскрыть важные этические проблемы, такие, как верность слову и долгу, доброта, любовь к животным, стойкость характера, твердость в достижении цели и т. д. Поэтому пересказанные сюжеты имеют большое воспитательное значение, и их опубликование стотысячным тиражом вполне оправдано как с педагогической, так и с художественной точки зрения.

Пересказанными сюжетами, конечно, не исчерпывается весь богатый сказочный репертуар русского народа. Русский сказочный эпос знает много других сюжетов, вполне доступных для детского восприятия и широко популярных, таких, как «Бой на капиновом мосту», «По щучьему велению», «Три царства», «Василиса Премудрая» и многие другие. Однако и опубликованные в сборнике сказки вполне удовлетворительно передают сюжетное своеобразие русской народной сказки в той ее части, которая призвана удовлетворять запросы детей младшего и среднего возраста.

Пересказ сказок для детей должен быть простым, художественным, близким к оригиналу (но не тождественным с ним). Литератор-сказочник должен отобрать то, что типично для народного творчества, и донести до своих читателей все поэтическое богатство и своеобразие русской народной сказки. Большая часть сказок, опубликованных в рецензируемом сборнике, пересказана вполне удовлетворительно и может быть рекомендована в качестве образца. К таким сказкам относится, например, сказка о Финисте — ясном соколе. Ее преимущества становятся особенно наглядными при сравнении с той же сказкой («Перышко Финиста — ясна сокола») в пересказе А. Любарской (сб. «Волшебный колодец», Детгиз, 1945), которая наполнила ее ненужной сентиментальностью и псевдонародными словесными оборотами, составленными в духе худших образцов лубочной сказки конца XIX — начала XX в.

Есть, однако, и в рецензируемом сборнике сказки, в пересказе которых автор-составитель допустил такие вольности, которые едва ли могут быть оправданы. Такова первая сказка — «Умная внучка»; девочка, отгадав все загадки царя, объявляет ему, что, выросши, она станет судьей, что б судить с а м о г о ц а р я, — стремление автора подчеркнуть социальный смысл спора ума и богатства привело к нарушению сказочной традиции. Значительные отступления от обычного сказочного сюжета мы находим и в сказке «Безручка». Так, в пересказе Платонова брат верит своей жене, когда та наговаривает на сестру со злобы, жена не убивает своего ребенка, а «засыпает» его, брат отрубает сестре руки не сознательно, а случайно; очень странно изложен сюжет со спасением ребенка (стр. 73), весь конец сказки вообще выпадает из обычного сказочного сюжета. Так, в традиционной сказке у Безручки вырастают руки в чудесном колодце, когда она пытается спасти своего сына. Этот эпизод образно и волнующе передает всю великую силу материнской любви, которая может излечить и безрукую женщину, если это нужно для спасения сына. У Платонова в сказке трижды вырастают руки у Безручки: когда она спасает ребенка в колодце, когда сражается на поле боя и когда встречается с мужем. Едва ли стоило навязывать русской народной сказке чуждую ей историю с руками, которые в нужный момент вырастают, а потом снова куда-то исчезают, чтобы затем снова «словно из сердца» (?) (стр. 79) вырасти по воле автора для совершения новых поступков.. Вольное обращение с сюжетом мы встречаем и в сказке «Морока» (в конце сказки). Все это свидетельствует о том, что пересказ народной сказки требует от автора вдумчивого и серьезного изучения сказочной традиции и более ответственного подхода к вопросам изменения сюжета.

Язык пересказа в рецензируемом сборнике в значительной своей части прост, доступен и художественен. Правда, автор не сумел окончательно избавиться от дур-

ной традиции нарочитого изменения принятых языковых норм в угоду псевдонародному стилю. Составитель, например, последовательно применяет «чего» при вопросах и при переходных глаголах, хотя во всех этих случаях следует говорить «что». Вот несколько примеров. В сказке «Безручка»: «Сестра... скормила ей чего-то» (стр. 63); в сказке «Морока»: «скажет чего» (стр. 82); «Чего я скажу?» (стр. 83); в сказке «Солдат и царица»: «Ты чего ухмыляешься?» (там же); в сказке «Иван Бесталаный и Елена Премудрая»: «чего такое, дескать?»; «А тебе чего надоть?» (стр. 114), и т. д. Спрашивается: зачем приучать детей говорить неправильно, когда наша школа с таким упорством борется за правильное литературное произношение?

Нередко в языке опубликованных сказок встречаются устаревшие уже слова и обороты, чуждые современному русскому языку: «Вскорости за побитием врагов война окончилась» (стр. 78); «Кого любишь, того и калечество не портит» (стр. 67); «...в глазах ее была столь добрая душа» (стр. 67), и т. д. В пересказе очень часто встречаются диалектные выражения, местные термины, слова областные, не объясненные составителем и потому не всегда ясные для молодых читателей. Таких примеров можно привести много. В сказке «Безручка»: «заместо» (стр. 64), «сычёные яблоки» (стр. 66); в сказке «Морока»: «представь мне, служивый, теперь историю» (стр. 84); в сказке «Солдат и царица»: «А не страховито ли будет?» (стр. 97); в сказке «Волшебное кольцо»: «Вельможи на запятках, на штырях повисли» (стр. 117) и т. д.

Встречаются иногда в пересказах и неудачные стилистические обороты, сказочные имена и пр. Так, в сказке «Морока» неудачно имя царя — «Аггей»: оно уводит в область религиозной легендарной литературы, для народной сказки это имя мало характерно. Непонятно, что хотел сказать автор в такой, например, фразе: «Прочитала царица эти слова сперва по-писанному, а потом по-неписанному» (стр. 55).

Все эти замечания о языке пересказа носят частный характер и не должны опрочить всего сборника в целом.

Рецензируемый сборник богато иллюстрирован художником И. Кузнецовым. Удачна красочная обложка книги, выразительны и волнующи рисунки к отдельным сказкам. Большая часть иллюстраций хорошо сочетает верное изображение прошлого крестьянского быта с элементами сказочности и волшебности. К числу не вполне удачных рисунков следует, правда, отнести изображение трех сестер-крестьянок в сказке о Финисте — ясном соколе: если в Марьюшке чувствуется крестьянка, то две ее старшие сестры изображены по крайней мере боярышнями — парчевые платья, богатые тчфли и т. д.; вряд ли это могло быть у богатого крестьянина даже в сказке (стр. 13). Художник умело передает глубокий психологический смысл русской народной сказки; его изображения Марьюшки, разыскивающей своего Финиста (стр. 23), или же картина встречи Ивана Бесталанного с Еленой Премудрой (стр. 53) должны быть оценены весьма высоко. Хороша также иллюстрация к сказке «Морока» (солдат пьет у царя чай, стр. 82); в ней образно передано крестьянское понимание царского быта (самовар на столе, связка бубликов, полная сахару сахарница и т. д.) Художественный редактор книги В. Пахомов вдумчиво и любовно отредактировал эту нужную для советского школьника книгу.

Общая редакция книги принадлежит Мих. Шолохову. Высказанные выше замечания по принципам пересказа и языку книги свидетельствуют о том, что редактор сборника не использовал всех имевшихся в его распоряжении возможностей. Редактор отнесся к своим обязанностям без нужной ответственности и внимания и тем самым допустил те шероховатости языка и стиля, которые легко было бы устранить при более тщательном и строгом редактировании.

Государственному издательству детской литературы Министерства просвещения РСФСР следует всемерно продолжать начатую традицию издания пересказов для детей русских народных сказок. Жаль, что до сих пор нет хороших, изданных большим тиражом сборников бытовых сказок для детей — сказок о глупом барине, жадном попе, злом царе, сказок, раскрывающих вольную душу народа, его зоркое классовое чутье, его веселый, неунывающий оптимизм. Следует пожелать Детгизу совмещения художественности пересказа с его научной обоснованностью, для чего необходимо привлечение фольклористов в качестве редакторов книги. Нужно учесть при этом, что подобными изданиями будут руководствоваться наши областные издательства, где до сих пор еще встречаются сказочные сборники, в которых творчество великого народа искажено и зачастую фальсифицировано неумелой рукой составителя.

В заключение следует отметить, что сборник «Волшебное кольцо» — это последняя работа скончавшегося в этом году писателя Андрея Платоновича Платонова. Он известен как автор многих рассказов, стихов и повестей; значительное место в его творчестве занимает работа по составлению хорошего, простого и образного пересказа для детей народных сказок. В 1947 г. вышли «Башкирские народные сказки», в 1947 и 1948 гг. сотысячным и стопятидесяти тысячным тиражом была издана лучшая сказка рецензируемого сборника — «Финист — ясный сокол».

Детиздату необходимо продолжить то, что начал А. Платонов, и позаботиться, в частности, о том, чтобы советские школьники получили возможность познакомиться с пересказами лучших советских сказок. Среди них мы можем много найти таких,

которые безусловно заинтересуют маленького читателя. Это сказка «Маленькая Маша» — о девочке-героине, сказки об Отечественной войне, о челюскинцах и папанинцах и т. д. Советская фольклористика также должна пристальнее заняться вопросами издания сказок для детей, так как в наши дни книга — один из самых значительных источников проникновения сказки в устный репертуар. Подтверждение этому мы находим в материалах последних экспедиций Института этнографии АН СССР и других научных учреждений.

Л. Н. Пушкарёв

Карельские эпические песни. Предисловие, подготовка текстов и комментарии В. Я. Евсеева; ответств. редактор проф. В. Я. Пропп, Институт истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 526 стр. Цена 51 руб.

Карело-финский народный эпос принадлежит к числу величайших достижений мировой поэзии. Вместе с русскими былинами, украинскими думами, киргизским «Манасом», армянским «Давидом Сасунским» и эпосом других народов Советского Союза карело-финские руны (эпические песни) являются замечательным вкладом в социалистическую культуру нашей Родины и тем самым в сокровищницу мировой культуры. «Советские люди считают,— говорил товарищ Сталин,— что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее».

В рунах воплотились чаяния и надежды карело-финского трудового народа в далеком прошлом, его мечта о будущем счастье, его вера в торжество радостного и свободного труда. Руны воспевают созидательный труд, трудовые подвиги народных героев, их борьбу за свободу и счастье своего народа. Совершенно особое место среди карельских эпических песен занимает цикл рун о Сампо. «О Сампо, о счастье веками мечтал карело-финский народ,— говорилось в приветствии карело-финского народа товарищу Сталину и товарищу Молотову по поводу преобразования Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую республику. Об этих мечтах немало сложено былин, песен, сказаний. Вдохновенные этими мечтами, наши предки сложили руны «Калевалы», которыми и поныне гордится карело-финский народ. Немало было протестов и восстаний, немало лучших людей карело-финского народа сложили свои головы в борьбе за свободную равноправную жизнь. Но все эти восстания и протесты жестоко подавлялись царским самодержавием. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ, как и все народы бывшей царской России, на путь свободного развития, на путь счастливой и радостной жизни».

Трудовой карело-финский народ веками мечтал о наступлении великой эры осуществления мечты о Сампо. Как заветная эстафета передавалась из поколения в поколение неугасимая вера в наступление дней строительства нового Сампо. И как бы отвечая старым рунам, певцы рун Советской Карелии поют о воплощении вековой мечты в жизнь, о новом Сампо, построенном руками советских людей:

*...Вышло солнце из-за тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новое явилось Сампо
И молоть зерно принялось,
.....*

*Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народу счастье (стр. 429).*

Карельские эпические песни давно завоевали мировую известность. А. М. Горький писал, что Лёнрот, составивший на основе карельских народных эпических песен «Калевалу», сыграл в истории карело-финской культуры такую же роль, какую Пушкин сыграл в истории русской культуры. Горький особенно подчеркивал бережное отношение Лёнрота к народным рунам, говорил о том, что Лёнрот «не переделывал народных легенд, а воссоздавал их», отличал его от «закройщиков», «которые «убивают в народной поэзии народность»¹. О самой «Калевале» Горький писал: «Мошь коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале»².

¹ См. К. И. Чуковский, Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания, М., 1940, гл. «Горький», стр. 139—140.

² А. М. Горький, Разрушение личности, Сборник статей 1905—1916 гг., изд. «Парус», 1916, стр. 10.